

RU

Образ сестры милосердия в рассказе И. С. Шмелева «Кровавый грех»

Сотков В. А.

Аннотация. Настоящая статья посвящена осмыслению специфики образа сестры милосердия в рассказе И. С. Шмелева «Кровавый грех». Цель исследования состоит в выявлении особенностей функционирования этого образа в художественной системе рассказа. Научная новизна определяется тем, что впервые через изучение особенностей образа сестры милосердия, контекстуальных переключек с «Летом Господнем», «Страхом», детальное изучение его символической нагрузки осмысливается философское своеобразие «Кровавого греха». В результате была установлена, во-первых, повествовательная и повествующая роль главной героини, которая выступает не только частью сюжетного развертывания, но и в качестве рассказчика; во-вторых, принципиально значимая семантическая и сюжетная роль, которую играют непосредственно связанные с образом сестры милосердия образы: поезда как символа уходящей России, колокольного звона как детали, встречающейся во многих произведениях писателя, а также революционеров-каторжан, будущего «новой» страны. В-третьих, в статье отражена разница между романтизацией революции и ее фактическими результатами, которые не принимаются главной героиней рассказа. На основе этого раскрыта динамика развития образа. В-четвертых, показана автобиографичность образа сестры милосердия, в которой И. С. Шмелев видит себя.

EN

The image of a medical nurse in Ivan Shmelyov's story "Blood Sin"

V. A. Sotkov

Abstract. The paper analyzes the specificity of the image of a medical nurse in Ivan Shmelyov's story "Blood Sin". The research aims to identify the peculiarities of the functioning of this image within the artistic system of the story. The scientific novelty lies in the fact that by examining the characteristics of the medical nurse's image, contextual interconnections with "The Lord's Summer", "Fear" and through a detailed study of its symbolic significance, the paper presents the first-ever interpretation of the philosophical uniqueness of "Blood Sin". As a result, several findings were made: firstly, the narrative and narrating role of the main heroine, who serves not only as a part of the plot development but also as the narrator, is identified. Secondly, the significant semantic and narrative role played by the images directly associated with the medical nurse's image (trains as symbols of the departing Russia, the sound of bells as a detail recurring in many of the writer's works, and revolutionary hard laborers representing the future of a "new" country) is determined. Thirdly, the paper reflects the contrast between the romanticization of the revolution and its actual results, which are not embraced by the story's main heroine. Based on this, the dynamics of development of the image are revealed. Lastly, the autobiographical nature of the medical nurse's image is demonstrated, in which Ivan Shmelyov sees himself.

Введение

В стихотворении «Сестре милосердия» (1915) одного из крупнейших поэтов XX столетия Н. Гумилева есть весьма примечательные строки: «И мечтаю я, чтоб сказали / О России, стране равнин: / – Вот страна / прекраснейших женщин / И отважнейших мужчин» (1999, с. 69). Мы процитировали этот фрагмент отнюдь не случайно: Николай Гумилев, являясь непосредственным участником Первой мировой войны, не только указал на силу и отвагу русского солдата, но и выразил благодарность очарованию, доброте и искренности русских женщин, сестер милосердия. К анализу этого явления обращались и продолжают его изучать в различных аспектах русские и зарубежные ученые, представители разных областей гуманитарного знания (семантическая наполненность дефиниции, образ сестры милосердия в контексте проблемы благотворительности в отечественной культуре, анализ религиозности и патриотизма как «составляющих» этого явления, феномен «сестра милосердия» в историческом аспекте и в контексте гендерной проблематики теории культуры

и новейшей феминистской критики и др.) (Правдиковская, 2011a; 2011b; 2012; Постернак, 2003; Роменская, 2008; Овчинникова, 2011; Нечипорова, 2009; Лебедев, Пронских, 2020). Устойчивый научный интерес к заявленному феномену, значимому с точки зрения различных гуманитарных практик и имеющему важнейшее воспитательное значение, и обусловил актуальность настоящей статьи.

Весьма показательно в этом контексте исследование Е. Н. Правдиковской, которая отмечает, что «сестра милосердия в Западной Европе – это, прежде всего, верующая женщина-католичка, тогда как в дореволюционной России – это член общественной благотворительной организации, в основном – Красного Креста» (2012, с. 170), а понятие «община сестер милосердия» «является продуктом христианской культуры» (2012, с. 170). А. В. Постернак в статье «История общин сестер милосердия» указывает, что постепенно данное явление теряет исконную связь с русской христианской традицией. Ученый объясняет этот процесс формализацией, превращением его «в денежные отчисления или материальную помощь нуждающимся», отмечая, что «даже в такой форме он играл важную роль в обществе в тех случаях, когда церковь и государство полностью не решали социальные проблемы» (Постернак, 2003, с. 313).

Справедливости ради следует отметить, что свой особый вклад в движение Красного Креста в России, став сестрами милосердия, внесли представители знатных родов Российской империи. Самыми известными их представительницами являются жена и дочери императора Николая II, которые во время Первой мировой войны прошли обучение сестринскому делу и помогали раненым в отданном под нужды военных Царско-сельском госпитале, помимо этого, императрица Александра Федоровна часть личных средств жертвовала на содержание нескольких санитарных поездов. Весьма примечательна история другой известной женщины, дочери великого русского писателя Л. Н. Толстого – Александры Львовны Толстой, которая, несмотря на протесты матери и друзей отца, отправилась на войну, не желая работать в тылу, ей захотелось подвигов и героических поступков (Постернак, 2003, с. 313).

Соответственно, теоретическую базу нашего исследования составляют работы, посвященные осмыслению феномена сестры милосердия в разных областях гуманитарного знания: истории, социологии, культурологии, филологии (Косорукова, 2014; Козлов, 2008; Карпычева, 2005; Лебедев, Пронских, 2020; Нечипорова, 2009; Овчинникова, 2011; Постернак, 2003; Правдиковская, 2011a; 2011b; 2012; Роменская, 2008). Особую значимость, кроме того, имели для нас исследования, непосредственно посвященные автобиографическому, документальному, религиозному аспектам творчества И. С. Шмелева (Захарова, 2015; Коршунова, 2023; Гудкова, Сотков, 2017; Сотков, Гудкова, 2018), а также работа П. М. Быкова (1990), документально и фактографически точно осмысливающая последние дни жизни царской семьи.

Материалом исследования явились:

поэзия Н. Гумилёва (Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Воскресение, 1999. Т. 3. Стихотворения. Поэмы (1914-1918));

рассказ И. С. Шмелева «Кровавый грех» (Шмелев И. С. Кровавый грех. 1955. http://az.lib.ru/s/shmelew_i_s/text_1937_krovavy_greh.shtml).

Также для контекстуального сравнения привлекались другие произведения писателя, очерковые в том числе:

Шмелев И. С. Лето Господне. Повести. Рассказы. М.: Эксмо, 2010;

Шмелев И. С. Крестный подвиг. Очерки. Статьи. Автобиографические заметы. 1922-1949. Воспоминания о И. С. Шмелеве. М.: Собрание, 2007.

Соответственно, задачами настоящего исследования являются анализ поэтики рассказа «Кровавый грех», выявление специфики образа сестры милосердия.

Ключевыми методами явились: метод целостного анализа художественного произведения, позволивший проанализировать образ сестры милосердия в рассказе И. Шмелева в неразрывной связи с его образно-тематической спецификой и персонажной системой; сравнительно-исторический, благодаря которому были выявлены общие образы, несущие символическую нагрузку в «Кровавом грехе», «Лете Господнем» и рассказе «Страх».

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы могут быть включены в курсы по истории и теории культуры, а также использоваться при углубленном изучении русской литературы. Особенно это касается специализированных курсов и семинаров, посвященных изучению литературного наследия первой волны русской эмиграции, в частности творческого пути И. С. Шмелева.

Обсуждение и результаты

Героиня рассказа «Кровавый грех» И. С. Шмелева, равно как многие её современницы (дочь автора бессмертной эпопеи «Война и мир», великие княжны, представители старейших дворянских родов дореволюционной России и др.), побывала не только на фронте, но служила на спасительном для многих раненых Земском поезде. О ней практически ничего неизвестно – образ героини вводится без традиционной «предыстории». Неясно, кем были ее родители, откуда она родом, какие тяготы она испытала. На некоторые вопросы можно найти ответ между строк и выстроить полноценный образ сестры милосердия поезда Земского Союза, подготовленного «для миссии особенной» (Шмелев, 1955).

И. С. Шмелев доверяет право рассказать страшную историю кровавого греха сестре милосердия отнюдь не случайно. Во-первых, данное обстоятельство связано с тем, что именно медсестры на фронте видят кровь,

горечь, страдания даже в больших масштабах, нежели солдаты; в рассказе метафорично характеризуется поезд, на котором служат сестры милосердия: «...этот поезд, где каждая дощечка пропитана кровью ее (России. – В. С.) сынов» (Шмелев, 1955). Во-вторых, введение автором рассказчика, который воочию видел ситуацию изнутри, являясь ее непосредственным участником, превращает рассказ в документальное свидетельство всего происходящего.

Автор сознательно не называет главную героиню по имени, не дает уточнений касательно ее возраста, не открывает ее происхождения, ибо это неважно, образ типизируется, переносится на сотни других лиц, других медсестер, служащих на поездах, во фронтовых бригадах на передовой. Но гений автора заключается в том, что в рассказе показана динамика развития, а в некоторых случаях ломки мировосприятия главной героини.

Перед читателем предстает, по всей видимости, молодая девушка, романтичная и патриотичная, храбрая и настойчивая. Именно романтика и патриотизм, скорее всего, побуждают ее отправиться на фронт, как побудили в свое время дочь Л. Н. Толстого, а храбрость и настойчивость выражены в желании помогать, ведь назначение на Земский поезд героиня получила после ранения.

Романтичность ее натуры раскрывается в искренней радости, с которой она встречает революцию и верит в светлое будущее России. Она поражена яркостью украшенного лозунгами и плакатами поезда, а сообщение об «особой миссии», возложенной на персонал, просто повергает ее в восторг: «...получили распоряжение приготовить поезд “для миссии особенной”: в Восточную Сибирь, вывезти освобожденных революцией борцов за освобождение России. Все приняли с восторгом. Я была счастлива хоть этим проявить участие в деле» (Шмелев, 1955). Особенно яркие эмоции испытала молодая медсестра при встрече с «бабушкой революции», организатором и одним из лидеров партии эсеров Брешко-Брешковской, которая потрепала ее по щеке: «Я даже заплакала от счастья» (Шмелев, 1955). Подобную восторженность перед лицом революции испытывали сотни тысяч других людей, тех, кто спасение России видел в падении царизма, похожие взгляды были и у автора рассказа – молодого Ивана Шмелева. В своей статье «Помни Россию», датированной 24 марта 1928 года и изданной в газете «Возрождение», Шмелев пишет, что многие в сытные царские годы давали деньги в фонды на разрушение России, «думали, что дают на освобождение России от... “сапога жандарма”, от “кнута царского”, от “опричнины”. <...> Я помню. Я зеленый, и сам совал с бьющимся глупым сердцем полтинники и двугривенные в лохматую фуражку, воровато таскавшуюся по рядам-коленкам. <...> С Россией кончили» (2007, с. 187).

В сердцах обычных людей и медицинского персонала не нашлось места для понимания сакрального смысла этой миссии, а поведение каторжан не вызывало сочувствия, это вызывало все большее напряжение. Медицинские служащие размышляли о корнях агрессии и неприязни, распространяемых заключенными, ставя перед собой вопросы о причинах их враждебного настроения. Раздумья эти были наполнены тоской и скорбью, которые внезапно сменились испугом и недоумением, осознанием того, что они оказались в ситуации, когда необходимо перевозить людей, чьи убеждения и действия выходят за рамки привычного, направлены на подрыв вековых традиций, в том числе через призывы к братанию с немцами и убийству сограждан. Вагон-салон становится местом общения медицинского персонала, где каждый изливает свою душу и задается главным вопросом: «Почему каторжане сеют злобу и ненависть? как их унять? почему они вносят разлад в нашу дружную санитарскую семью? <...> почему никто не сказал о России ласкового слова...» (Шмелев, 1955).

Старания некоторых подвижников революции в сторону разложения армии описаны в воспоминаниях Александры Львовны Толстой, которые приводит в своей работе А. В. Постернак: «Разложение шло быстро. Когда при осмотре войск командир корпуса зашел в перевязочный отряд, старика никто не встретил. Он стал обходить землянки. Солдаты валялись на койках и на приветствие генерала – “здорово, санитары”, не поднимаясь, лениво тянули – “здравствуйте”. А то и вовсе не отвечали. Большевистская пропаганда, как яд, разлагала вторую летучку, и она быстро приходила в упадок; солдаты перестали работать, не чистили лошадей, завели грязь, беспорядок. Пришлось в спешном порядке ликвидировать летучку. Да и вообще чувствовалось, что делать на фронте больше нечего. Фактически война кончилась. По всему фронту шло братание, солдаты покидали позиции» (2003, с. 314).

Искренняя, добрая, отзывчивая на чужие страдания сестра, вспоминая тяжелые фронтовые дни, с ужасом понимает всю трагедию происходящего вокруг: «Мне было больно за нас: ведь эти, разжигавшие ненависть и злобу, были, какие ни на есть, а интеллигенты, наши» (Шмелев, 1955). Следующая фраза героини разрушает создаваемый с первых строк рассказа идеальный образ сестры милосердия, причем сказана она с горечью: «Сестры – не все, увы! – были подавлены» (Шмелев, 1955), – заставляет читателя осознать, что многие медсестры были рады происходящему, они принимали этот шабаш как должное.

Юный Ваня, герой повести «Лето Господне», с нетерпением ожидает момент, когда наступит вечер Великой Субботы, а за ним и благословенная Пасха, отмечая ключевые мгновения детской веры и надежды. Воскресение Иисуса Христа, воплощая главное событие в традициях православия, находит свое явление в радостном признании каждым верующим чуда. Таким образом, через призму воспоминаний Вани уделяется почтение бесконечной вере и воздается должное величию Воскрешения, столь важному для каждого православного христианина. «Великая Суббота, вечер. <...> В столовой на окошках – крашенные яйца в корзинах, пунцовые: завтра отец будет христосоваться с народом. В передней – зеленые четверти с вином: подносить» (Шмелев, 2010, с. 73). Ваня с утра слышит главный напев: «Хри-стос воскре-се из мертвых... сме-ртию смерть... по-пра-ав!» (Шмелев, 2010, с. 74). Приготовление к Пасхе в Земском поезде ничем не отличаются от приготовлений в доме героя «Лета Господня»: бумажными цветами были украшены столы, сестры приготовили пасох и напекли куличей, в то время как на станциях жертвовали окрашенные яйца в знак празднования Воскресения Христова. Усилия

медсестер не вызвали радости у каторжан, в душе одной из героинь скопилось ощущение горечи от безразличия и полного игнорирования самого значимого для православных людей торжества. Стоит подчеркнуть, что проявленная сестрой трепетная забота ко всему происходящему говорит о её глубокой религиозности: она воспринимает православные обычаи не просто как данность, но и как часть себя. Она убеждена, что Пасха способна возродить в сердцах бывших заключенных чувства, давно забытые и погребённые под тяжестью испытаний. Ей очень больно видеть нравственное падение, крушение устоев, она подавлена: «Больно все это видеть, слышать... теперь у нас больше не будет Светлого Дня... я чувствую!» (Шмелев, 1955).

Молодая девушка в один миг превращается в рассудительную женщину, которая осознает масштабы трагедии, надвигающейся на Россию. «Было ужасно тяжело, предчувствия сжимали сердце» (Шмелев, 1955), – так характеризует свое состояние героиня рассказа. Аналогичные идеи высказаны в другом произведении И. С. Шмелева «Страх»: «Вот оно, далекое предчувствие далеких страхов. Сбылось. Закрутили. Празднуют над кровью...» (2010, с. 805).

В день Святой Пасхи на станции Зима, в глуши Сибири, происходит страшное преступление: «Уголовные каторжане вырезали семью товарного машиниста, семеро душ, считая с заночевавшим неизвестным солдатиком: молодую жену, подростка-свояченицу, мальчика и двух девочек, и прапорщика-шурина. Вырезали двое болтавшихся с вечера “матерых”, двое “волков тайги”. Зарезали, ограбили и пропали в метельной ночи» (Шмелев, 1955). Подобное происшествие в священный для русского народа день заставило людей очнуться ото сна. И только на этой станции не было слышно пропагандистских призывов, потому что «нет соответствующего настроения толпы... что-то тут случилось, кого-то уколошили... до следующей остановки лучше» (Шмелев, 1955).

«Машинист» – это символ, он напрямую ассоциируется с прогрессом, стремительным движением, товарный поезд – символ развития, благосостояния. Список вырезанных наглядно показывает, что уничтожено будущее (мальчик и две девочки), настоящее (подросток-свояченица), прошлое (прапорщик-шурин), перечеркнута военная мощь России на долгие годы в лице убитого солдатика, и главное, убита молодая жена, которая символизирует продолжение всякой жизни. Символично также, что домик не синего, белого, желтого, красного, а именно красноватого цвета, что символизирует зачаточное состояние русской революции и красных идей, и ярким пятном на фоне белой зимы, чистого снега и красноватого домика выделяется кровь убитых семерых людей. Каторжане не находят спасения в побеге, несмотря на свою безнаказанность, они растворяются в метели, следует считать, что метель выступает здесь символом истории, история все расставит по своим местам, и злодеям в ней не останется места.

Это преступление находит отклик в сердце сестры милосердия. С момента первого знакомства с героиней и до последней строки рассказа образ развивается, претерпевает серьезные изменения. Добрая, искренняя, полная надежд и веры в светлое будущее девушка, сумевшая объединить в себе православное учение и революционную идею, идею борьбы за Новую Россию, становится разбитой, подавленной, грустной женщиной, чьи мечты и надежды превращаются в пыль. Только вера в Бога, милосердие, сострадание и любовь к России останутся навсегда в сердце героини рассказа.

В 1990 году в Свердловске (Екатеринбург) под редакцией доктора исторических наук В. В. Алексеева выходит переиздание книги П. М. Быкова, председателя исполкома Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов, члена Уральского областного совета 1917-1918 гг., «Последние дни жизни Романовых», которая была опубликована в 1930 году. В этой книге содержится много документальной информации, связанной с убийством императора и его семьи. Можно предположить, что И. С. Шмелев был знаком с книгой П. М. Быкова, и в основу рассказа 1937 г. «Кровавый грех» положил именно историю убийства российского императора. Богатый дом горного инженера Н. Н. Ипатьева, в котором находилась в заточении царская семья: Николай II, Александра Фёдоровна, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, Алексей, – стал местом их гибели. Приговор приводили в исполнение революционеры, бывшие каторжники и заключенные. А после убийства, об этом пишет П. М. Быков (1990), тела членов семьи были обысканы, было найдено множество драгоценностей и золота, зашитых в одежде. Таким образом, число жертв преступления в доме машиниста совпадает с числом членов семьи императора – семь; ограбление было в обоих случаях, в рассказе «Кровавый грех» И. С. Шмелев (1955) пишет так: «Зарезали, ограбили и пропали в метельной ночи». Причем писатель отмечает, что убили именно машиниста, если рассмотреть период 1917-1918 годов, то становится ясно, что «машинист» – это не просто движение вперед, развитие, метафора, это прежде всего конкретные люди, стоящие у руля России того периода: Николай II, А. Ф. Керенский, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, А. Ф. Колчак. Убийство одного из машинистов – уничтожение одного из путей развития России. Очевидно, что прообразом страшного убийства в рассказе «Кровавый грех» стала трагедия царской семьи в Ипатьевском доме, тщательно реконструированная П. М. Быковым.

Ключевым элементом, передающим эмоциональное состояние персонажей литературных творений И. С. Шмелева, выступает колокольный звон. В различных его произведениях он разный: будь то заунывное звучание колоколов Валаама либо спасительный звон в рассказе «Страх», возвещающий о восхождении на престол императора Александра III, или же непрерывающийся Великий Пасхальный звон в произведении «Лето Господне», также упоминается и пасхальный перезвон, наполненный особым переливом, звучащий на железнодорожной станции «Зима» в первую пасхальную ночь революционной России: «Этот звон показался мне кроваво красным» (Шмелев, 1955).

Страдания, принесенные революцией, искалеченные судьбы ее сторонников; сломанные жизни сотен добрых, искренних людей, похожих на героиню рассказа, оказываются симптоматичными и закономерными.

«Не непосредственно нашими полтинниками с ней кончили, но и не без этих “полтинников” тут было, хотя бы и не вещественных. Наши нравственные, так сказать, полтинники очень и очень помогали. Ну, и пострадали же даватели, жертвовали всяческим. От слепоты своей, от скудости своей душевной и духовной – тогдашней – пострадали. Но из-за этого-то вся, вся Великая Россия – страдает уже двенадцать лет. И как страдает! Вот какие последствия “малых дел”», – именно так И. С. Шмелев (2007, с. 187) акцентирует внимание читателей на неизбежном итоге для всех, кто поддержал революцию, равно как и сестра милосердия, и способствовал тем самым кончине России.

Заключение

Итак, резюмируя всё вышесказанное, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, образ сестры милосердия в рассказе И. С. Шмелева выполняет сюжетобразующую функцию. Для писателя она не только главная героиня, но и рассказчик, через призму сознания которого видятся все события и чьим «словом» описывается происходящее.

Во-вторых, непосредственно связанными с фигурой главной героини оказываются традиционные для его прозы (до- и постреволюционной) образы колокольного звона, поезда, Пасхи, которые воплощены и в повести «Лето Господне», и в «Старом Валааме», и в «Страхе».

В-третьих, нами впервые было установлено, что прообразом семьи товарного машиниста в рассказе «Кровавый грех» стала семья последнего российского императора Николая II. Можно предположить, что И. С. Шмелев показывает трагедию, связанную не просто с убийством конкретной семьи, но с уничтожением всего доброго в людях, самой русской души, с осквернением светлого праздника Пасхи кровавым преступлением.

Перспективой исследования может стать, во-первых, дальнейшее изучение образа сестры милосердия в новеллистическом творчестве И. С. Шмелева. Во-вторых, показательным может быть сравнительно-сопоставительный анализ образов сестер милосердия в крупных и малых жанровых формах в прозе писателя. В-третьих, небезынтересным представляется нам осмысление этого образа (также в сравнительно-сопоставительном аспекте) не только в прозе метрополии первых двух десятилетий, но и в наследии эмиграции первой волны.

Источники | References

1. Быков П. М. Последние дни Романовых. Свердловск: Уральский рабочий, 1990.
2. Гудкова С. П., Сотков В. А. Феномен праведничества в осмыслении отечественного литературоведения и критики // Дневник науки. 2017. № 8 (8).
3. Захарова В. Т. Поэтика прозы И. С. Шмелева: монография. Н. Новгород: Мининский ун-т, 2015.
4. Карпычева Л. А. Сестры милосердия. История в свете современности // Начало: журнал института богословия и философии. 2005. № 14.
5. Козлов В. Ф. Общины сестер милосердия в истории и культуре Санкт-Петербурга и Москвы // Петербург и Москва в жизни великой княгини Елисаветы Федоровны: материалы IX и X ежегодных Свято-Елизаветинских чтений (г. Санкт-Петербург – г. Москва, ноябрь 2007 г.). М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2008.
6. Коршунова Е. А. И. С. Шмелев и его время. К 150-летию со дня рождения И. С. Шмелева, 30-летию музея И. С. Шмелева в Алуште. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2023.
7. Косорукова М. И. Память о «русских ангелах» Первой мировой войны в литературе и искусстве // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2014. № 7-8 (87).
8. Лебедев А. А., Пронских А. А. Основные этапы формирования благотворительного института общин сестер милосердия на Западе и в России // Христианское чтение. 2020. № 2.
9. Нечипорова Е. В. Милосердие и благотворительность в деятельности Русской православной церкви // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. Т. 7. № 2 (57).
10. Овчинникова М. Б. Милосердные сестры // Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству / под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова: в 2-х т. М.: Эко-Пресс, 2011. Т. 1. Кн. 3.
11. Постернак А. В. История общин сестер милосердия // Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования (2002): сборник / сост. А. Клецина. СПб.: Лики России, 2003.
12. Правдиковская Е. Н. Морально-нравственный статус сестер милосердия в Российской империи в историко-культурном контексте // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011а. № 4 (42).
13. Правдиковская Е. Н. Образ сестры милосердия в русской литературе конца XIX – начала XX в. // Наука и школа. 2011б. № 3.
14. Правдиковская Е. Н. Общины сестер милосердия в культуре России: дисс. ... к. культ. М., 2012.
15. Роменская М. Марфо-Мариинская обитель милосердия. Осмысление прошлого и будущего. Программа «Возрождение Марфо-Мариинской обители милосердия. К 100-летию со дня основания» // Московская перспектива. 2008. № 97.
16. Сотков В. А., Гудкова С. П. Феномен праведничества в прозе И. С. Шмелева 1920-30-х гг. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018.

Информация об авторах | Author information**Сотков Виктор Александрович**¹, к. филол. н.¹ Московский городской педагогический университет**Viktor Aleksandrovich Sotkov**¹, PhD¹ Moscow City Pedagogical University¹ sotkov_va@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 28.02.2024; опубликовано online (published online): 16.04.2024.

Ключевые слова (keywords): проза И. С. Шмелева; образ сестры милосердия; трагедия Николая II и его семьи; праведничество в русской прозе XX века; Ivan Shmelyov's prose; image of a medical nurse; tragedy of Nicholas II and his family; righteousness in the Russian prose of the 20th century.